

НЕ ТОЛЬКО ЛЕКЦИЯ, НО ИГРА

Когда я рассказываю, как преподаю в летнем лагере (об этом — статья «Лекции о природе вещей» в «НО» № 3, 2002), многие сомневаются: не приукрашена ли действительность? Что это за лагерь такой чудесный? Организовали кружок — ничего здесь особенного нет. Впрочем, минутку, как же могут в «кружке» заниматься сразу полтысячи детей? Конечно, это никакой не «кружок». Речь идёт об образовательной программе.

Всеми учит море

Кирилл Ефремов,
антрополог,
преподаватель
Российского
государственного
гуманитарного
университета,
сотрудник журнала
«Знание — сила»

Всё началось восемь лет назад, благодаря сотрудничеству единомышленников — директора Детского оздоровительного лагеря «Кавказ» Л.С. Ледневой, заместителя директора Т.Е. Зиминной и морского биолога А.Н. Камнева. Каждый из них — человек незаурядный и талантливый. Заслуженный учитель Кубани Людмила Савельевна Леднева руководит крупным лагерем, но для неё это не только организация, а целая страна, Республика Детства: «Одной из особенностей Страны Детства является познание мира во всём его многообразии. Каждая секунда, проведённая в этой стране, является важнейшей для формирования личности. А что же говорить о трёх-четырёх неделях? Вы только представьте — ребёнок самостоятельно проживает длительное время в среде сверстников! Здесь не спрятаться возле мамы после ссоры с другом, а необходимо самому найти пути решения проблемы. Ведь недаром наши дети возвращаются в школы такие повзрослевшие и изменившиеся. Ребёнок открывает своё сердце и душу тому взрослому, кто сам открыл ему своё сердце!»

В тех условиях, когда сотни лагерей превратились в пансионаты или санатории, «Кавказ» — некогда рядовой пионерский лагерь — стал одним из крупнейших на Черноморском побережье центром детского отдыха. Сюда приезжают дети из Уренгоя, Ноябрьска, Ухты, Якутска и других уголков России. Лагерь «Кавказ» — член Российской Ассоциации «Дети Плюс» и Международного содружества детских лагерей. На базе лагеря постоянно организуются международные фестивали, конгрессы, выставки, форумы. Например, в прошлом году здесь можно было встретить участников кинофестиваля и Ассамблеи поколений «Марш мира за культуру и ненасилие на планете», учащихся музыкального училища со сверкающими духовыми инструментами, студентов из Великобритании и Австралии. Директор всегда встречает и провожает детские делегации, говорит напутственное слово. Не все догадываются, что благодаря этому человеку они провели смену в комфортных условиях, всё в лагере работало, «как часы», без досадных сбоев. Им кажется, что иначе и быть не могло — это, наверное, лучший показатель умелого руководства. Приезжая из года в год, старшие ребята замечают: появились новые беседки, спортивное оборудование, отремонтированы помещения. То есть деньги, заработанные лагерем, в него же и вкладываются, возвращаются к детям.

Заместитель директора Татьяна Емельяновна Зимина руководит в лагере «Кавказ» воспитательной работой. Я бывал в разных лагерях и повидал формальных «замдиректоров», которых заботило только совпадение числа детей в списках и в койках после отбоя. Ребята порой даже не знали о существовании такого человека, прячущегося где-то в кабинете. Татьяну Емельяновну знают в лагере все. Меня всегда удивляло, как ей удаётся удерживать в голове столько сведений: почти тысяча детей, плюс сотня вожатых (от них порой ещё больше хлопот), восемнадцать отрядов, состав которых постоянно меняется: одни уез-

жают, другие приезжают. И каждый, от малыша до преподавателя, идёт к ней со своими проблемами.

Ежедневно в кабинете заместителя директора собирается Совет командиров, где представители отрядов сами планируют мероприятия очередного дня смены, делятся своими впечатлениями, решают возникшие проблемы. А после ужина Татьяна Емельяновна — строгий руководитель — может перевоплотиться в элегантную ведущую вечернего концерта или сыграть на «Празднике Нептуна» какую-нибудь экзотическую «Бабу-Ягоду» (нет, кажется, прошлым летом была «Баба-Ябеда»...). И это уже после того, как она провела несколько планёрок с вожатыми, проконтролировала отправленные автобусных экскурсий и дважды, надев огромную шляпу, выходила на море — без неё купание не начнётся (море шутить не любит — усмирить его духов может только Татьяна Емельяновна).

Педагоги «Кавказа» считают, что они должны не только кормить, развлекать и просвещать детей. Одна из задач — прививать им чувство патриотизма. Когда на мероприятиях или просто в минуты ожидания играет музыка и дети, держась за руки в огромном кругу, поют песни о России, я — уж не знаю каким образом, ощущаю, что в их душах есть это чувство, так необходимое каждому человеку, — любовь к своей Родине.

Научный руководитель программы «Всеми учит море» — Александр Николаевич Камнев, сотрудник МГУ, профессор, академик Российской академии естественных наук. От всего его облика веет надёжностью и спокойствием. Для «Кавказа» А.Н. Камнев организует приток молодых преподавателей, умеет их вдохновить, учит не обращать внимания на мелкие неприятности. А если приезжает в лагерь, то сам руководит погружением детей с аквалангом в районе Утришского заказника, где ребятам открывается пёстрый мир каменистого морского дна.

Так вот, восемь лет назад Л.С. Леднева и Т.Е. Зимина, будучи на конференции в США, узнали о программе экологического

воспитания, по которой работают во флоридском лагере «Sea-camp». Воспитанникам там не только дают знания о море, но и знакомят с оборудованием для подводных исследований, учат управлять мальми судами. Почему бы не организовать подобное и в России? В этом помог А.Н. Камнев. Сегодня созданная под его руководством образовательная программа нашла применение уже в нескольких лагерях, включая черноморские «Кавказ» и «Орлёнок», а также дальневосточный «Океан».

В программу входят: занятия биологического цикла, подводное плавание, начальные капитанские курсы, управление моторной лодкой, виндсерфинг, курсы спасателей, оказание первой медицинской помощи, подводная видеосъёмка, альпинизм, английский язык, психология и многое другое. Связующий компонент программы — *море*, которое не только учит, но и создаёт уникальный эмоциональный фон. Конечно, за одну смену дети не успевают полностью выполнить эту программу-максимум.

Однако тот опыт, который они получают за время пребывания в лагере, их так или иначе обогащает.

Детский лагерь «Кавказ». Фотографии московской команды инструкторов «Касатка»

Преподаватель или ведущий?

В рамках программы «Всеми учит море» я подготовил курс «экология» (о его концепции и содержании я уже рассказывал на страницах «НО»). У меня было два пути. Первый — привлечь несколько заинтересованных ребят и заниматься «в узком кругу». Второй — работать почти со всем отрядом. Несмотря на то что второй требует больше сил (хотя бы потому, что нужно утихомирить и рассадить до полусотни детей, а то

и здоровенных подростков, быстро завладеть их вниманием, «зарядить» аудиторию, передать импульс общения), я предпочёл именно этот путь как более плодотворный и интересный. Да и без «кружка» я тоже не остался — обязательно находились увлечённые ребята, которые были рядом весь день.

Иногда занятия проходят под открытым небом, но чаще — в кабинете. Здесь удержать внимание проще — помогают стены, но и сложнее — отвлекают экспонаты. А для чего, собственно, так стараться его удержать? Не лучше ли прочитать нотацию, призвать к порядку, постучать по столу? Или отбарабанить текст, не обращая внимания на то, что творится в аудитории? Мне жаль растрчивать на это время. Лето коротко, смена ещё короче, занятие — один миг. Поэтому я спешу, быстрее, быстрее, рассказывайте на парты, если не хватает стульев... Я жажду увидеть в глазах огоньки интереса. Если их нет, тогда зачем мы здесь?

Наверное, это стремление сродни работе на сцене. Но там — больше эмоций, чем сведений. Даже фрагмент спектакля или телепередачи может быть интересен. Но «лекцию о природе вещей» нужно прослушать от начала и до конца. Пропустил, отвлёкся — и потерял ход рассуждений. Непредвиденно раскочиваться: семь коротких занятий — и придёт пора уезжать домой. Значит, необходимы особые средства, если не сказать — информационные технологии.

Начинается всё с кабинета. Он создаёт «информационную оболочку». Хорошо иметь живописный светлый кабинет с коллекциями, рисунками, композициями, микроскопами и живностью. В нашем распоряжении именно такой. Экспонаты делаем, или тво-

рим, сами. Полагаю, что творчество заключается не только в умении создавать что-то новое, но и в выборе, проявлении свободной воли. Почему художник выбрал именно такой ракурс, расположил фигуры так, а не иначе? Интуиция? А можно ли её развивать?

Мы делаем очередную коллекцию. Лучше всего получается, если рядом двенадцатилетний Рома из Ноябрьска, приезжающий к нам каждое лето. Я раскладываю экспонаты в коробке и спрашиваю: «Ну?» «Да-а, так». Это значит, расположение лучше поменять. Меняю, смотрю на него. «А-а. Нормально...» С интуицией у Ромы всё в порядке, однако он человек немногословный, поэтому надо угадать его мысли. Угадываю: «Никуда не годно». Мне остаётся вынуть всё из коробки и придумать что-то особенное, не просто «коллекция № 12», а, например, «шахматная коллекция!» На дно кладу клетки из синей бумаги, добавляю к ракушкам и осиным гнёздам пару морских коньков. В углу пристраиваю деревянную фигурку, отбившуюся от своего полка. Приклеиваю крохотный номер и на неё, после чего печатаю в списке: «№ 9 — шахматный слон». Рома с достоинством кивает.

Коллекции, кабинет и рассказ — это лишь полдела. Нужно создать игру, вовлечь слушателей в представление. Игру не в строгом смысле — с правилами и умелыми участниками, а как способ общения. Ведь в лагере каждый взрослый, вожатый или педагог должен стать психологом, артистом, спортсменом, а также товарищем и даже родителем. Конечно, игра — не самоцель занятия, но способ оживить «основной текст» и усилить внимание. Приведу несколько примеров.

Игра-экшн

По-английски action — действие. Это термин из мира кино. Вот и надо не просто рассказывать, а играть действие: жестиковать, вращать глазами, двигаться, изменять интонацию, ритм и громкость. Рассказывая о чём-либо, я должен быть активным и многое показать на себе самом, особенно если речь идёт о поведении животных. Это принцип моих наставников: основной объект для изучения и демонстрации — ты сам. Помню, когда я был студентом, один эксцентричный профессор показывал на своём белом халате устройство мантии у моллюска, а другой ходил взад-вперёд, изображая путь электронов переменного тока. Мы над ними посмеивались. Но ведь сколько всего заблудилось, а это — никогда!

А если попробовать поиграть в экшн ученику? Пусть что-нибудь расскажет, сопровождая каждую без исключения фразу кинемой — мимическим действием, жестом, пантомимой. И как можно точнее (что не так уж просто).

Игра-хэппенинг

Таким, опять же английским, словом называется происходящее на сцене, от чего глаз оторвать невозможно (например, рабочие носят по сцене горшки с цветами). К хэппенингу я прибежал, будучи вожатым, чтобы быстро приготовить сцену для какого-нибудь «мероприятия». При минимуме усилий (без долгих репетиций и заучивания текста) — максимум зрелищности. Дети лишь запоминают фразы, возгласы («воскликни это так, чтобы стёкла зазвенели!») и отрабатывают порядок действий. На сцене ведущий (а это я) громогласно и под музыку комментирует происходящее, заодно командует и покрикивает на актёров. Обязательно нужно, чтобы кого-то перетаскивали с места на место. — Давайте-ка поживей, несите чудовище! — Дети ташат «чудовище», завёрнутое в одеяло. Оно борется с крохотным героем и, разумеется, проигрывает. — Унесите чудовище! — Семеро «муравьёв», кряхтя, утаскивают этого толстого мальчишку в маске за кулисы. Зал смеётся, все довольны. А то ведь бывает так, что месяц репетируют, учат роль, а на представлении — стоят и мнутя, бубнят под нос, да ещё и спиной к залу. И зрители разбегаются.

Итак, в кабинете жара, дети утомились. Какой-то ребёночек уже незаметно пробирается в угол, чтобы рассмотреть коллекцию. Ещё несколько секунд, и все разбредутся, расшумятся. И тогда — пиши пропало. Запускаем хэппенинг! Как ни в чём не бывало, продолжая рассказ, я аккуратно ловлю беглеца, несущего его на плечах через весь кабинет и сажаю на шкафчик. Хватаю огромный пучок тростника и переносу его в другой конец комнаты. Начинаю потряхивать аквариум со змеей. Всё внимание, разумеется, на меня: что это он там делает? Взбираюсь на стол и роняю оттуда перо — оно вертится: «Вот величайшее изобретение эволюции! Благодаря перу птицы завоевали всю планету — где бы вы ни оказались, обязательно встретите птиц». Вот и всё. Внимание вернулось.

Ещё лучше, если есть рядом какой-нибудь прожорливый зверь. Например, пойманный в камышах огромный паук-кругопряд.

Ставлю аквариум повыше, бросаю пауку муху, он молниеносно оплетает её тысячей паутинок, парализует и подвешивает, словно окорок в кладовку. И сразу раздаётся пятьдесят охов и ахов, под которые успеваешь рассказать о точности инстинктивных действий, о ядах, о том, что паутинные железы — видоизменённые ноги...

Дети, кстати, больше всего ценят три занятия: спасать, кормить и ловить (в порядке предпочтения). Я помню, как мальчик потянулся (что было небезопасно) к мокрой и избитой молодой чайке, которую захлестывали волны. Чайка испугалась, собралась с силами и упрыгала в дюны. «Ты её фактически спас. Она обсохнет и сможет летать», — сказал я. Какая гордость и восторг отразились в тот момент на его лице! Замечу, что во многих странах эти предпочтения используются для дела. Например, самые неисправимые правонарушители находят себе «мирное» занятие, заботясь о диких животных (выживавших пострадавших при перелётах птиц). А в городских парках, где проводят досуг дети, содержат всяких кроликов, козочек, свинок и рядом продаётся полезная для них еда, которую можно купить и угостить трогательных существ (вместо того чтобы кидать им через ограду булки и чипсы). В нашем лагере, чтобы накормить богомоллов и жаб, ребята готовы переловить всех кузнечиков в округе. Вреда от этого нет, и всё-таки я говорю: «Ловим только на прокорм: десять штук».

Игра-перформанс

Performance — превращение, ставшее представлением. Актриса заворачивается в бумагу и превращается в букет или, скажем, торт. У нас нет ни актрисы, ни торта, а всё происходит на доске: я рисую мелом на доске метаморфоз (постоянно стирая одни линии и добавляя другие) — как клетка превращается в лягушку или человечка, или сосну (это уж что ей прикажут гены). Или комкаю лист бумаги и вылепливаю из него икринку, а затем рыбу. Наблюдать превращение живых экспо-

натов трудно — обычно это требует времени. Приходится создавать модель: доставать, например, из коллекции гусеницу, куколку и двух бабочек с крыльями, расправленными наполовину и полностью. Или гонять по аквариуму стайку головастика и лягушат разного возраста: смотрите, да они же превращаются у вас на глазах!

Игра-медитация

В медитации нет ничего сверхъестественного. Основной принцип этого состояния — приглушить активность одних зон коры мозга и заставить работать другие. Если закрыть глаза, расслабить мышцы и заглушить поток мыслей (а точнее — вербальных образов), то огромные площади коры освободятся от постоянной нагрузки. Теперь легче сконцентрировать внимание на отдельном образе или ощущении.

Однажды у нас зашёл разговор о мышлении животных. — Ворона может сосчитать до шести. А человек? — До миллиона! До бесконечности! — А я могу доказать вам, что человек считает не намного лучше вороны. Сядьте ровно, прикройте глаза, руки перед собой, расслабьте тело. Представьте себе белый шар на чёрном фоне. Теперь два шара. Три. Пять шаров выстройте в ряд. Теперь шесть шаров. Семь. (Сделать это может далеко не каждый. Шары сбиваются в кучу, их «не видно». Хорошо различимы только 5–6 мыслеобразов.) Представьте, что второй шар красный. А теперь второй красный, а пятый — синий. Поменяйте местами...

Такой приём показывает, что человек может одновременно держать в сознании не-

большое количество образов, а конкретно — 7 ± 2 . Это известно не только психологам, но и обычным людям, причём с незапамятных времён. Недаром семёрка вошла в пословицы как «магическое» число. Как же тогда мы считаем до миллиона? Заменяя множество образов единым символом.

То есть мы представляем не сто спичек, как это делал «человек дождя» из одноимённого фильма, а всего один «виртуальный объект» — символ сотни. Но чтобы оперировать такими символами, мы должны научиться «считать» — математическому мышлению. На учёбу уходит лет двадцать: садик, школа, институт. Вороне такое и не снилось.

Поработать с мысленными образами полезно — это расширяет сознание, укрепляет память. Представлять можно не только обычные, но и парадоксальные объекты: белая пчела на синем одуванчике, слон, который едет верхом на муравье... Можно вызывать не только зрительные, но и тактильные, звуковые, обонятельные образы. Представьте, что на ладони льдинка, комочек ваты, что вы летите над лесом, что слышите звук лопнувшей струны. А теперь вообразите, как может смеяться обезьяна, комар, сундук, динозавр...

Как известно, такие упражнения лежат в основе релаксации и аутотренинга. Они помогают управлять собой, развивают интеллект или, если сказать языком компьютерной эпохи, «виртуальную студию» нашего сознания. Заодно дети осваивают новые понятия. Позвольте, но ведь это прерогатива психологов! Однако в моей работе элементы психотренинга лишь разбавляют основной предмет, чтобы сделать занятие ярким и разносторонним.

Игра-розыгрыш

Если ребята устали и начали отвлекаться, можно их разыграть. — Вы у меня уже хлопали в ладоши? Нет? Надо попробовать. Сумеете? Задание сложное. Я скажу: «Раз, два, три, хлопок», — и вы сразу хлопнете в ладоши. Ставьте-ка руки перед собой...

Я говорю «раз, два, три» и громко хлопаю сам, все хлопают вслед за мной, потом восклицаю «хлоп!» — в ответ тишина. Все понимают, что сделали что-то не то. Удивительно, какими сконфуженными делаются физиономии моих слушателей! В этот момент их легко обидеть, упрекая в невнимательности. Но я говорю, что этот «ошибочный» ответ-хлопок — показатель высокой социальности человека, способности объединять усилия, которая некогда спасла его предков от исчезновения (ранние люди были вымирающей группой приматов). Кроме того, он показывает: дела для нас заметнее, чем слова.

Игра в гештальт-психологию

Гештальт-психология изучает восприятие образов (в первую очередь зрительных) в целом, то, как мозг конструирует из элементов картину, которой не существует в действительности. Самый простой пример — нарисовать на доске прозрачный куб. Какая грань сверху, а какая снизу? Вот это «дно», а вот это «крыша». Нет, пусть будет наоборот. Теперь в вашем сознании они поменялись местами, куб «перевернулся».

А с чего вы взяли, что это куб? Это просто следы мела на доске. Да и не следы это никакие, а просто так отразились лучи света. Нет ни доски, ни мела, есть только молекулы. Но и молекул нет, есть пустота, частицы и вероятные потоки энергии... (Можно не продолжать, а то у детей зайдёт ум за разум.)

Другой известный пример — девять точек располагаются в три ряда, «квадратом». Ведущий просит соединить их четырьмя линиями без отрыва. Обычно никто не знает разгадки и не решается выступить. — Пусть выйдет любой и просто попробует и вы увидите, как мозг человека устанавливает границы там, где их нет. — И впрямь, тот, кто пробует, начинает обводить периметр квадрата, которого не существует! А решить задачу можно, лишь выйдя за его воображаемые пределы. Впрочем, в обычной жизни такая «ограниченность ума» полезна — она оберегает сознание от перегрузки.

То, что мы видим, создаётся не столько глазами, сколько мозгом, который выстраивает изображение из множества «мгновенных снимков», сделанных движущимся глазом. Попробуйте остановить глаз, уставившись в одну точку, — изображение сузится, а затем и вовсе пропадёт. Глаз смотрит, а видит мозг, причём сигнал приходит в затылочную область коры. Вы умеете видеть затылком! Совершенно другой механизм зрения и видения у животных: муравья, голубя, осьминога...

Игра в антропологию

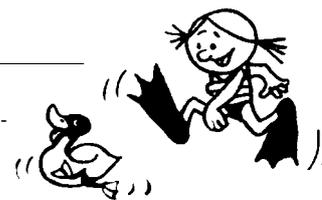
Муравей, голубь или осьминог — объекты, конечно, знакомые. Но всё-таки своя рубашка ближе к телу. Поэтому хорошо бы вовлечь в сферу внимания слушателей их собственное тело.

В картине мира нет ничего важнее человеческого тела и лица. Наш глаз умеет различать мельчайшие детали, угадывая, когда глаза щурятся от солнца, а когда — от хитрости. В то же время некоторые существенные показатели (например, общий размер лица или соотношение его частей) остаются незамеченными. Удивительная избирательность! Только измерив, узнаешь, что у коренных жителей севера Европы лицо широкое и крупное, но расстояние от основания носа до бровей небольшое, а на юге — всё наоборот. Что на востоке (скажем, в Приуралье) лицо уплощено, а на западе (в Британии) картина обратная — середина лица выдаётся вперёд. У детей, кстати, вызывает бурю восторга, когда специальным инструментом переводяшь размеры их милых круглых физиономий в числа и сравниваешь со своим лицом — взрослым, высоким, но по-южному узким, как огурец.

Что они вынесут из всего этого, что узнают? Что все люди разные, и это ни плохо, ни хорошо.

Что всё познаётся в сравнении. Что наука разговаривает языком чисел, а без этого точные знания невозможны. Что «на глазок» может быть одно, а при достоверном наблюдении — совсем другое. Как говорил Галилей: «Измеряй всё измеримое и сделай неизмеримое измеримым».

— А теперь немного об экологии тела. Кто скажет, какой у него рост? Сто пятьдесят? Как бы не так! Вот встаньте прямо. Вроде бы это и есть «рост». А теперь выпрямитесь хорошенько, как струна! Ровнее, ровнее! Вы стали на два сантиметра выше. А теперь вытяните руки вверх! Сильнее! Встаньте на цыпочки! А теперь с каждым выдохом вытягивайтесь ещё сильнее вверх! Раз, два, три... С каждым разом высшая точка тела поднимается над опорой хотя бы на миллиметр. Это уже суперрост какой-то! Но разве вы так ходите по улице? Там вы расслаблены, руки внизу, голова и плечи слегка опущены. При ходьбе ноги чуть согнуты. Это и есть ваш нормаль-

ный — «экологический рост». Он гораздо меньше роста «медицинского». А если побежать, рост увеличится или уменьшится? Смотря как бежать! Не стукнитесь головой о линейку. А если пройтись на четвереньках? Подпрыгнуть? А какой среднесуточный рост первобытного человека, который мало лежит, но любит сидеть на корточках? А горожанина? А лентяя?

Так дети могут не только размяться, когда засиделись, но и понять, что тело человека — изменчиво, его показатели относительно. Кроме того, они начинают следить за своей осанкой и даже (проверено!) за тем, стоит ли им вальсировать на кровати, снижая свой «среднесуточный» рост.

— А как

сложно этим телом управлять! Попробуйте поворачивать рукой в одну сторону, а ногой в другую. Нарисуйте правой рукой квадрат, а левой круг. Выясните, какая рука «подчиняется» другой. А теперь я буду сыпать камешки или монеты, а вы определяйте на слух, чего и сколько упало. Или нажимать клавиши пианино (раз уж оно стоит в этом кабинете). Быстрее!

Такие «фокусы» не только оживляют занятие, но и позволяют детям оценить, как много информации мозг обрабатывает бессознательно, управляя движением и потоком восприятия.

ОСТАВАЙТЕСЬ С НАМИ

Таких игр можно придумать сколько угодно. Мы используем игровые элементы и в самом курсе экологии, например, при раскрытии образов пирамиды жизни, взаимоотношения элементов экосистемы, классов биоразнообразия. Помогают захватить внимание и оригинальные темы повествования. У нас были занятия, посвящённые экологии войны, одурманиванию, колдовству и космосу. Или про кризисы и катастрофы, про оборотней и чудовищ. Здесь нет никакой фантастики: я начинаю про оборотней, а завершаю влиянием тайных военных обществ на технический прогресс, изменяющий облик антропосферы. В подобных рассказах всё логично, соответствует фактам, необычен сам взгляд на вещи. Впрочем, об этом — как-нибудь в другой раз.

Закончилась смена. Последняя линейка. Проводы. Лучшие из лучших получают благодарности, дипломы, значки. Но как же выбрать лучшего, если занятия посещали все? Экзаменовывать, кто больше знает? Нет, для меня лучшие — это не всезнайки, а те, которые искали контакта, задавали вопросы, приходили между занятиями, просили взять их на море и забрать после ужина, кто надоедал и отнимал у меня всё свободное время, кто только что, сдерживая слёзы, отнёс чемодан в автобус... Оставайтесь с нами. Или — приезжайте ещё.

г. Анапа